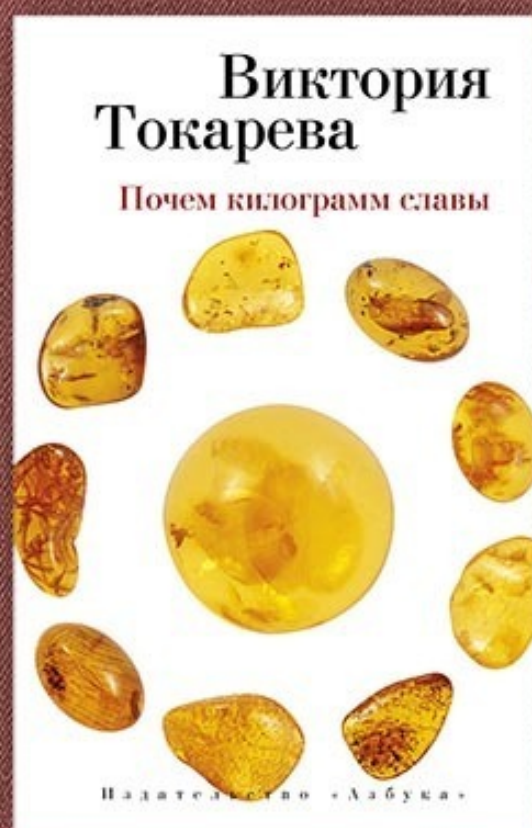


Виктория Токарева



Комплект
из 3-х книг

Виктория Токарева

Виктория Токарева

**Можно и нельзя. Почем
килограмм славы. Этот лучший
из миров. Комплект из 3-х книг**

«Азбука»

1971, 1996, 1997, 1998, 1999, 2001

Токарева В. С.

Можно и нельзя. Почем килограмм славы. Этот лучший из миров. Комплект из 3-х книг / В. С. Токарева — «Азбука», 1971, 1996, 1997, 1998, 1999, 2001 — (Виктория Токарева)

ISBN 978-5-389-33274-4

Виктория Токарева — известный писатель и сценарист; ее имя знакомо российским читателям и зрителям по любимым с детства фильмам: «Урок литературы», «Джентльмены удачи», «Мимино», «Шла собака по роялю», «Ты есть...». Особое место в творчестве автора занимают повести и рассказы. Теплые, живые, с мягким юмором, написанные неподражаемым, легким, «токаревским» языком, с симпатичными героями, которые порой напоминают нас самих: несутся по жизни, не успевая оглядеться, как на американских горках. Взлет — падение, любовь — расставание, радость — гнев. Но сквозь череду черных и белых пятен, калейдоскоп человеческих судеб и неразбериху чувств проступает главное: жизнь не тяжкое бремя, а божественный дар и за темной ночью придет рассвет. В комплект вошли сборники рассказов и повестей Виктории Токаревой «Можно и нельзя», «Почем килограмм славы», «Этот лучший из миров»

© Токарева В. С., 1971, 1996, 1997,
1998, 1999, 2001

ISBN 978-5-389-33274-4

© Азбука, 1971, 1996, 1997, 1998,
1999, 2001

Содержание

Можно и нельзя	6
Можно и нельзя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виктория Токарева
Можно и нельзя. Почем
килограмм славы. Этот лучший
из миров. Комплект из 3-х книг

© Токарева В.С., Данелия Г.Н., 1971

© Токарева В. С., 1996, 1997, 1998, 1999, 2001

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021 Издательство
АЗБУКА®

Можно и нельзя

Можно и нельзя

Повесть

Отец хотел назвать ее Марией, а мать – Анной. И они нашли имя, которое совмещало оба: Марианна. Сокращенно: Маруся.

Отец с матерью жили спокойно, скучно. Никак. Разнообразие составляли редкие ссоры. Эти ссоры – как поход в театр. Все же эмоциональная разрядка. А потом все входило в прежнее русло, похожее на пенсионерское.

Маруся точно знала, что ни при каких обстоятельствах не повторит такую жизнь. У нее все будет, как в кино. Маруся обожала кино: как там любили, как умирали, какие красивые лица и одежды. Она мечтала сняться, чтобы все ее увидели, вздрогнули и влюбились. Все-все-все: студенты в общежитиях, солдаты в казармах, ученые в лабораториях и короли во дворцах. Она хотела, чтобы ее портреты продавались в киосках, как открытки, и ее лицо, растиражированное в миллион экземпляров, вошло в каждый дом.

Что лежит в основе такого чувства? Желание победить забвение? Человек приходит и уходит. Его век короток. Может быть, потребность ОСТАТЬСЯ любой ценой. Продлить на подольше.

Маруся приезжала к проходной киностудии, стояла и чего-то ждала. Ждала, что ее заметят и позовут. Ее замечали и звали, но не те и не туда. Она не шла. Те, кто звал, – мужской человеческий мусор. Но и среди мусора можно найти что-то стоящее. Помощник режиссера по кличке Ганс организовал ей маленькую роль медсестры. Она должна была сказать одну фразу: «Иванов, вас спрашивают». На нее надели белый халат, скрывающий фигуру, надели шапочку, скрывающую лоб. Осталось только: «Иванов, вас спрашивают». А самые потрясающие у Марианны были именно фигура и лоб. Она носила прическу балерины – все волосы назад, в хвостик, чтобы видны были лоб и шея. И уши – маленькие драгоценные раковинки. Было очевидно, что природа индивидуально трудилась над этим человеческим экземпляром. И труд увенчался успехом.

Съемка фильма оставила тягостное впечатление: никакой организации, все сидят, чего-то ждут, у моря погоды. Ганс посылал ее в магазин за хлебом и колбасой, и она ходила, неудобно отказать... Но все равно съемка. Дорога к славе. И к первой любви.

Но, как выяснилось, за любовью не надо было далеко ходить. Первой любовью оказался мальчик из класса по имени Андрей. Он приходил к ней домой. Они слушали музыку, сидели на диване и обжимались, чтобы никто не видел. Когда родителей не было дома, их действия активизировались: они ложились и целовались лежа. Марианне казалось, будто пламя мощными потоками устремлялось по ее телу. Музыка и страсть наполняли комнату. Марианна плыла в звуках и томлении юных тел. Она касалась своего мальчика, и то, к чему она прикасалась, готово было треснуть в ее руках от напряжения. Но они не преступали черту. Андрей берег свою Марусю, не нарушал ее девственность. Они заходили все дальше в своих познаниях, и все кончилось ужасно. Маруся оставалась девушкой, но беременной девушкой. Врачи сказали: да, так может быть, потому что девственная перегородка – не бетонная стена, а живая и пористая, через нее вполне может проскочить юркий сперматозоид. Таких случаев сколько угодно.

Маруся испытала шок. Она шла на аборт, как на заклание. Дефлорацию произвели врачи. Она теряла свою невинность под холодным скальпелем хирурга. И когда Маруся вышла из больницы и вернулась домой, она уже ненавидела Андрея и свое к нему тяготение. Будь оно проклято!

Андрей стоял перед ней с потрясенным лицом. Она видела его горе и слезы. Он плакал. Но она презирала его слезы. И это презрение вконец уничтожило его. Мальчик ушел, плача, в свою дальнейшую жизнь. Что с ним было потом, она не интересовалась.

Жизнь продолжалась тем не менее. Маруся по-прежнему хотела сниматься. И, как поется в песне Дунаевского: «Кто хочет – тот добьется...» Марусе поручили довольно большую роль. По сюжету от этой героини ничего не зависело. Она просто ждала главного героя с войны. Смысл ее роли – ожидание. Маруся изображала терпение, и лицо ее было неподвижным и туповатым, как само терпение.

Однако фильм вышел на экраны. Марусю приглашали на встречу со зрителями, дарили цветы. Так начиналась слава. Не бог весть какая, но все же... Люди, цветы. Появился мужчина, старше на двадцать лет. Писатель. Он был холостой, пьющий и конфликтный. Основное его состояние – ненависть. Он ненавидел всех – близких и дальних: соседей, братьев по перу, правительство и генерального секретаря Брежнева. Любил он только свою маму. Он ее обожал, боготворил и боялся.

Маруся приезжала к нему на холостяцкую квартиру с сумкой продуктов. И прежде чем лечь с ним в постель – варила и убирала. Иначе это было логово зверя. Маруся вытирала пыль, мыла пол, жарила мясо. Потом они садились за стол.

На столе как неременная деталь к натюрморту стояла бутылка водки – холодная, запотевшая, и Писатель в предчувствии реальной выпивки приходил в восторг. Он смотрел на Марусю, видел, что она – гений чистой красоты. Жизнь ненадолго, пусть на мгновение, оборачивалась своей сверкающе-прекрасной гранью: женщина, водка, мясо... Что еще нужно одинокой взыскующей душе.

Потом они ложились в кровать. Он близко видел ее изумительные плечи, восемнадцатилетние груди, его сердце трепетало от любви. А потом он быстро засыпал с открытым ртом, и она смотрела на него, спящего, слегка балдея от его алкогольных паров.

Марусино сердце созрело для любви, и она принимала любовь, как весенняя земля принимает зерно. И уже не важно, какое это зерно: здоровое или гнилое.

В этот год Маруся поступила в театральное училище. Ее ждала жизнь профессиональной актрисы. Но... судьба поставила первую преграду. Маруся заболела. Врачи поставили диагноз: туберкулез кишок.

Откуда взялась эта болезнь? Маруся считала, что внешность для актрисы – это инструмент, как скрипка для скрипача. Она постоянно худела, чтобы истончить себя до прозрачности. Может быть, это явилось причиной. Но скорее всего – судьба не хотела, не пускала ее в актрисы.

Маруся лежала в больнице и медленно таяла. Цвет лица сравнился с цветом подушки, и высокий овальный лоб завершал гробовой образ. Маруся смотрела на себя и думала: мертвая панночка. Даже в таком состоянии она примеряла на себя роль.

Писатель приходил, навещал. Он садился возле кровати, доставал из портфеля бутылку и пил с горя. Закуску он не приносил, поэтому Маруся отдавала ему протертый больничный обед. Она все равно не могла это есть. Организм не принимал. А Писатель ел с удовольствием.

Врачи увеличивали дозы лекарств, но лучше не становилось. Организм как будто вздрагивал и замирал, потом вопил: нет! Поднималась температура.

Марусина мама пришла к главному врачу больницы и устроила скандал. Позвонили с киностудии и пригрозили тюрьмой. Зашел пьяный, однако известный Писатель и грозился избить.

Главный врач испугался и созвал консилиум. На консилиум приехал знаменитый Ковалев – полуармянин и полубог. У него не умирали. Это был сорокалетний человек, отдаленно похожий на Ленина в период эмиграции. Но красивее. Хотя Ленин тоже был вполне красив, недаром от него потеряла голову Инесса Арманд. Итак, Ковалев был похож на Ульянова, который пустил свою энергию и талант в мирных целях.

Ковалев увидел Марусю у смерти на краю. Им овладело желание прорваться, спасти, прижать к груди. Он взял домой историю болезни и просидел над ней всю ночь. А на рассвете понял: у Маруси не туберкулез, а аллергическая реакция на препараты, которыми ее лечат. Врачи увеличивали дозу и усугубляли реакцию, и все это шло к своему логическому концу. Организм сначала протестует: нет! Потом замолкает.

Маруся проснулась рано и смотрела в окно. Прозрачная рука лежала на одеяле, и так хорошо было не двигаться. Просто лежать и смотреть. Ей нравилось не отвечать на вопросы, не реагировать на входящих. Мама, медсестры, подруги, Писатель – все они были как в аквариуме, в другой среде и за стеклом. Подплывали, разевали рты, что-то хотели, помахивая кистями рук, как плавниками. Маруся смотрела на них равнодушно, потому что принадлежала уже каким-то другим хозяевам.

Это утро было особенно тихим и торжественным. Никто не заглядывал, наверное, был выходной. Внезапно открылась дверь и возник Ковалев в белом халате, с историей болезни в руке. Он приблизился к Марусе и произнес:

– Я вас вылечу. Но для этого я должен забрать вас из этой больницы и перевести в свою. Вы согласны?

– А это можно? – тихо удивилась Маруся.

В больнице была строгая дисциплина, как в армии, и больной считался самым нижним чином. Ниже, чем солдат. Что-то вроде солдата на гауптвахте. Ему нельзя ничего.

– Если вы согласитесь, то больше ни у кого не надо спрашивать, – сказал Ковалев.

Это было так странно, как будто Ковалев пришел от новых хозяев. Он пришел ЗА НЕЙ. Он переправит ее ТУДА, где ничего не болит.

– Я согласна, – проговорила Маруся.

Ковалев собственноручно перенес Марусю в свою машину, закутал сверху казенным одеялом. Отвез в свою больницу, где руководил отделением.

Лечение было начато через час. Ковалев полностью отменил все гормональные препараты, поставил капельницу – промыть сосуды, назначил гемосорбцию – очистить кровь.

Через три дня Маруся уже сама подходила к умывальнику, мыла лицо. Какое это счастье – бросить на лицо свежесть и прохладу, самостоятельно совершить движение руками сверху вниз, вдоль лица. Недаром мусульмане используют этот жест во время молитвы.

Через неделю Маруся бродила по коридорам больницы, могла звонить домой и на киностудию: нет ли новых предложений? Предложений не было, что странно.

Едва воспряв для жизни, Маруся тут же захотела сниматься в кино. Видимо, это был ее основной инстинкт.

Писатель приходил, удобно усаживался и начинал ругать всех подряд, начиная с генерального секретаря. Маруся слушала и соглашалась: Брежнев действительно был не в лучшей форме. Но ведь существовала сама Маруся – сноп солнечного света. Как можно не видеть этого сияния даже сквозь закопченное стекло? Как можно быть недовольным, если рядом ТАКАЯ Маруся?

Ковалев имел честь познакомиться с Писателем. Общение было коротким.

– Где-то я вас видел, – сказал Писатель, вглядываясь в Ковалева. Он вглядывался подозрительно, будто видел Ковалева в непристойном месте: в кабинете КГБ или в борделе.

– Возможно, – ответил Ковалев. – Не помню...

Когда Писатель ушел, Ковалев сказал, что ему тоже надо промыть мозги и сосуды.

Маруся вдруг поняла, что Писатель в самом деле весь, с головы до ног, закопчен алкогольной копотью, которая не пропускает в него солнечный свет. Она думала прежде, что горечь Писателя – это лермонтовская горечь: разлад мечты с действительностью, как у всякого гения. А оказывается – все просто. Продукты алкогольного распада отравляют мозги, и все видится как в кривом зеркале.

Маруся не могла не заметить, что в больнице – культ и диктатура Ковалева. Ему безоговорочно подчинялись и боготворили. И было за что. Ковалев знал свое дело. Его дело – человеческое здоровье.

Книги, которые создавал Писатель, кому-то нужны, а кому-то нет. Здоровье нужно всем без исключения. В больнице это становится особенно очевидно.

Маруся пролежала в больнице три недели. За это время Ковалев влюбился в нее, как в свою Галатею. Как профессор Хиггинс в свое творение. Как зрелый мужчина в молодую женщину.

Ковалев точно знал, что ему нужно для счастья, и поэтому решил не тратить времени на долгие ухаживания.

В первый раз Ковалев женился рано, на своей сокурснице. Они вместе проходили практику, вместе дежурили по ночам. В результате этих дежурств родился сын Денис. Сейчас Денис окончил десять классов и тоже хотел стать врачом. Готовился поступать в медицинский.

Ковалев не стал объясняться, а просто оставил жене письмо. В письме он сообщил, что никогда не задумывался над отношениями между ними. Просто жил из года в год. А оказывается, это была дружба. И если не знать, что такое любовь, то можно просуществовать и на дружбе. Но если узнать, что такое любовь... И так далее.

Ковалев оставил письмо на столе, взял дорожную сумку, запихнул в нее самое необходимое и ушел. Куда? В свой рабочий кабинет. Он спал на казенном диване, ел больничный супчик. Ел он мало. Считал, что достаточно принимать пищу один раз в день.

Как отреагировала жена на его уход, он не знал. И не интересовался. Какой смысл в словах? Предположим, состоялось бы тяжелое объяснение, после которого он бы ушел. По результатам то же самое. Объяснился и ушел или ушел без объяснений. Но ушел все равно. Жена и сын тоже не стали звонить и задавать вопросы. Может быть, жена оскорбилась и возненавидела. А возможно, обрадовалась, ведь он оставил все, что было нажито за двадцать лет жизни. Казалось бы – мелочь. Что такое собственность, когда жизнь рушится? А не мелочь. Во все вложены большие деньги, а значит, труд, а значит, жизнь. Мелочей нет.

А скорее всего, жена хорошо знала его характер. Ковалев – цельный человек, сделан из единого куска, как гранитная плита. Он не умеет двоиться, троиться, входить в положение. Такой характер имеет свои достоинства и свои столь же тяжелые недостатки. Жена знала, что бесполезно призывать к его состраданию, сочувствию и прочим СО. Он не услышит. Он не может делать одновременно два дела: любить женщину и при этом беспокоиться о прежней семье. Он может делать что-то одно.

Прожив три недели в кабинете, Ковалев снял квартиру у знакомых, которые уезжали за границу. Квартира была красивая, в кирпичном доме на краю лесопарка. Утром можно было выбегать в деревья и делать гимнастику.

В день выписки Ковалев сделал Марусе предложение.

– Но я люблю другого, – сказала Маруся, удивившись.

Она воспринимала Ковалева как лечащего врача, как верховного главнокомандующего и не подозревала о его чувствах.

– Люби, – спокойно отреагировал Ковалев. – Я тебе разрешу.

– Что разрешите? – не поняла Маруся.

– С ним спать. Если хочешь...

– Значит, я буду спать с двумя? – уточнила Маруся.

– До тех пор, пока ты не прозреешь, – объяснил Ковалев. – Ты в конце концов бросишь его. Но не надо делать это насильственно. Он сам отвалится.

Марусе было неудобно сказать «нет» после всего, что Ковалев для нее сделал. Он спас ей жизнь, ни больше ни меньше.

– Я подумаю, – дипломатично ответила Маруся.

Она вернулась домой и стала думать о Ковалеве. Она боялась остаться без него. Ей казалось: без него с ней что-то случится. Она опять заболит и начнет умирать, или опять забеременеет с воздуха, или кто-то ее обидит, толкнет. А при Ковалеве никто не обидит, и можно жить, как раньше. И даже лучше, чем раньше. Ковалев будет лечить знаменитых режиссеров, а они за это будут снимать Марусю в кино. Одно дело – снимать студентку, другое дело – жену великого Ковалева. Положение в обществе.

Мать тихо позавидовала Марусе. Ее муж, Марусин папа, был, как говорится, ни Богу свечка, ни черту кочерга. Для него главное, чтобы его не трогали. А Ковалев – и свечка, и кочерга. Да чего там, сам – и Бог, и черт. Мать всегда мечтала о таком. А Маруся получила. Мечта сбылась в следующем поколении.

Стрелка судьбы неуклонно шла в сторону Ковалева. Не о такой Маруся мечтала любви. Но в конце концов, если придет ТАКАЯ, можно все переиграть. Какие ее годы, вся жизнь впереди...

Маруся переехала в квартиру возле лесопарка с мебелью Луи Каторз.

Первая близость произошла между ними на пути из кухни в спальню. Ковалев не мог потерпеть еще четыре шага и зажал ее в проеме двери. Он обладал ею истово и ритмично, как собака. Безумно неинтересно. Насколько значителен Ковалев был на работе, настолько примитивен в любви.

«Ужас... – подумала Маруся. – Зачем мне это?»

На другой день она поехала к Писателю и сидела, подавленная. Писатель отмалчивался. Он мог бы сказать: «Зачем он тебе? Переезжай ко мне». Но это не входило в его планы. Писателю нравилось так, как есть. Он имеет Марусю и свободен от ответственности за нее.

Ночи с Ковалевым проходили в больших неудобствах. Он постоянно будил ее, пытаясь утолить свою любовную жажду. Маруся просыпалась каждый час, как на вахте. Он все не мог утолить, и это продолжалось, продолжалось... Марусе казалось, что это никогда не закончится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.